

УДК 811.161.1'38'36

Преп. Некрылова Елена Леонидовна
Харьковский национальный экономический
университет имени Семена Кузнеця
ПРОЕКТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА М. Н. ЭПШТЕЙНА
КАК СЛЕДСТВИЕ СОЗДАННОЙ ИМ ФИЛОСОФИИ
ПОССИБИЛИЗМА: ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И
РАЗВИТИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Проективна лінгвістика М. Н. Епштейна як наслідок створеної ним філософії посибілізму: проект відновлення та розвитку перехідності російських дієслів. У статті представлено обґрунтування того, що створена М. Н. Епштейном проективна лінгвістика є наслідком створеної ним раніше філософської концепції посибілізму, котра виступає методологічною базою такої лінгвістики, і що в межах проективної лінгвістики, яка базується на принципах посибілізму, виправдано існування проекту відновлення і розвитку перехідності російських дієслів.

Ключові слова: дієслово, перехідність, філософія посибілізму, проективна лінгвістика, гіпотеза стрибучих морфем.

Е. Л. Некрылова. Проективная лингвистика М. Н. Эпштейна как следствие созданной им философии POSSIBILITY: проект восстановления и развития переходности русских глаголов. В статье представляется обоснование того, что созданная М. Н. Эпштейном проективная лингвистика является следствием созданной им ранее философской концепции POSSIBILITY, выступающей методологической базой такой лингвистики, и что в рамках базирующейся на принципах POSSIBILITY проективной лингвистики оправданно существование проекта восстановления и развития переходности русских глаголов.

Ключевые слова: глагол, переходность, философия POSSIBILITY, проективная лингвистика, гипотеза прыгающих морфем.

E. Nekrylova. M.Epstein's projective linguistics as consequence of Possibilism philosophy, which was created by him: the project of Restoration and development of transitivity of Russian verbs. The article presents the justification of the fact that M.Epstein's projective linguistics, which was his creation, is the consequence of his earlier philosophical conception of Possibilism, which is the methodological basis such a linguistics and the existence of a project for the restoration and development of the transitivity of Russian verbs is justified in the framework of the projective linguistics based on the principles of Possibilism.

Key words: verb, transitivity, philosophy of Possibilism, projective linguistics, hypothesis of jumping morphemes.

Лингвистическое изучение возможностей восстановления и развития переходности русских глаголов, которое само по себе, сформулированное таким образом, может вызывать недоумение сторонников идеи «самостоятельного развития языка», предполагает наличие убедительной методологической базы. Такой базой может быть только понятийно коррелирующее с указанным изучением

возможностей философское направление, и оно уже не первый год существует.

В 2001 году М. Н. Эпштейн, впервые выступив как опубликовавший программный труд философ, издал монографию «Философия возможного», в которой обосновал концепцию, суть которой сводится к следующему: «Модальности сущего, возможного, необходимого лежат в основе мышления и языка. Книга впервые систематически исследует значение модальностей для философии и всего комплекса гуманитарных дисциплин. От изъяснительного наклонения докантовской мысли – через повелительное наклонение посткантовского критицизма и активизма – философия ныне входит в третью эпоху: мышление в сослагательном наклонении. ... Цель книги – обоснование possibiliзма как новой методологии гуманитарных наук» [7, с. 2].

В одной из последовавших за данной монографией статей, получившей название «О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество» (2007), М. Н. Эпштейн, обратив внимание на то, что за последние несколько столетий многие русские глаголы утратили переходность, вследствие чего в современном русском языке две трети глаголов являются непереходными, подробно и доказательно обосновал возможности восстановления и развития такой переходности [5].

В 2016 году увидела свет монография М. Н. Эпштейна «От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир» [6], в которой обоснованно представлено новое лингвистическое направление «проективная лингвистика», которая призвана предлагать проекты развития естественного языка, и прежде всего заполнять имеющиеся в нем лакуны. Однако в ходе обоснования соответствующих принципов автор не применяет термин «possibiliзм», вследствие чего у читателя может сложиться убеждение, что possibiliзм и проективная лингвистика – понятийно не связанные продукты креативно-разностороннего мышления известного ученого. Распространение такого убеждения может привести к распространению непризнания философии possibiliзма методологической базой проективной лингвистики вообще и проекта восстановления и развития переходности русских глаголов в частности.

Целью настоящей статьи является обоснование двух положений:

1) проективная лингвистика является следствием философской

концепции POSSIBILISMA, которая выступает методологической базой такой лингвистики; 2) в рамках базирующейся на принципах POSSIBILISMA проективной лингвистики оправданно существование проекта восстановления и развития переходности русских глаголов.

Применительно к лингвистике философия POSSIBILISMA каузирует толерантное отношение кодификации к изменениям языковой нормы, когда такие изменения являются познавательными и коммуникативно востребованными. Еще в 1984 году М. Н. Эпштейн начал большой, рассчитанный на много лет проект «Книга книг. Словарь альтернативного мышления», «где потенцируются понятийные ряды, модели смыслообразования и «виртуальные книги» разных гуманитарных дисциплин» [1, с. 16]. С 2000 года М. Н. Эпштейн реализует проект «Дар слова», который, по словам Г. Л. Тульчинского, «представляет собой опыт потенциации словообразовательных моделей русского языка и освоение новых полей лексических возможностей, в перспективе – создание на основе русской лексики и грамматики «потенциального (метарусского) языка», по отношению к которому существующий русский язык был бы одной из актуализаций» [1, с. 16]. «Электронная версия словаря «Дар слова» выходит еженедельно с апреля 2000 г., – пишет М. Н. Эпштейн. – На электронную рассылку «Дара слова» (бесплатную) можно подписаться по адресу: <http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>» [3]. Некоторые аспекты реализации данного проекта освещены также в его статьях «Русский язык в свете творческой филологии разыскания» (2006) [4], «Добро и зло в зеркале русского языка» (2007) [2], в упомянутой выше статье «О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество» (2007) [5] и в статье «Имплицитное в лексической системе языка и регулярность моделей словообразования» (2010) [3].

В монографии 2016 года «От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир» М. Н. Эпштейн с сожалением пишет о том, что гуманитарные науки «изучают человека и все области культурной деятельности, но при этом сами остаются пассивными, поскольку у них нет своих технологий. Они изучают творчество, но сами ничего не творят. Изучая языки, лингвистика не правомочна предложить какие-то изменения в их лексико-грамматических системах. Изучая литературу, литературоведение не ставит задачей повлиять на ее развитие. Философия спорит о

первопринципах и универсалиях существующего мира, но не предлагает новых принципов для построения альтернативных миров» [6, с. 6]. Как можно убедиться, автор сожалеет о нереализации гуманитарными науками возможностей создавать нечто новое, то есть исходит из философской концепции POSSIBILISMA.

Говоря в этой книге о том, что «в главе о лингвистике рассматривается ее роль в развитии языка», М. Н. Эпштейн обращает внимание на то, что подобные роли в наше время представляют собой универсалию, характерную для многих наук, ранее занимавшихся только исследованиями и ничего нового в исследовательском материале или из него не создававшими. Прежде всего ученый имеет в виду ставшее на путь созидания естествознание: «Этим же путем идет современное естествознание: закономерности, найденные в ходе исследования клеток, организмов, мозга, используются для построения действующих моделей органических и ментальных процессов и их потенциального расширения, т. е. создания искусственной жизни («синтетическая биология») и искусственного разума. Это гигантский шаг на пути человечества, которое, выходя из царства природы, начинает само определять пути своей эволюции» [6, с. 7]. «Но для гуманитариев, – подчеркивает автор, – такой способ синтеза на основе анализа все еще остается непривычным. Часто встречается возражение: как можно искусственно создавать новые слова, понятия, жанры, дисциплины? Разве не должны они складываться естественным путем, в ходе долгой исторической эволюции? – Ответ прост: культура сама по себе искусственна, сверхприродна. Все, что в ней создается, исходит от воли и сознания человека. ... Любое новое слово возникает в сознании и речи индивида, а затем уже принимается или отторгается языковым сообществом» [6, с. 7]. Такое индивидуальное созидание тоже исходит из идеи реализации возможностей, провозглашаемой философией POSSIBILISMA.

Проективную лингвистику М. Н. Эпштейн представляет в разделе 6 «Язык и речь. Лаборатория слова» [6, с. 225 – 291]. В начале данного раздела автор проводит мысль, основанную на философии POSSIBILISMA: «Этот раздел посвящен *проективной лингвистике*, которая не просто изучает язык, но и способствует его преобразованию, выявлению его структурных и смысловых возможностей, расширению его лексической, грамматической, концептуальной системы» [6, с. 225]. Ученый видит предтечу

проективной лингвистики в языковедческом направлении, которое М. Бахтин назвал восходящим к В. фон Гумбольдту, Х. Штейнталу, А. Потепне, В. Вундту, К. Фосслеру, Л. Шпицеру «индивидуалистическим субъективизмом», диаметрально противопоставленным восходящему к Г. В. Лейбницу, Ф. де Соссюру и всем представителям школы структурализма «абстрактному объективизму». По убеждению М. Н. Эпштейна, «язык не является только системой объективных форм и правил, но обладает собственным источником творческой активности. Можно *творить не только в речи, но и в языке, творить сам язык*. Более того, сама языковая система предполагает акты творчества, нуждается в них для развития своей системности. Именно потребности языковой системы и делают возможными и необходимыми акты языкового творчества, создания новых лексических единиц, грамматических моделей, правил правописания. ...Описывая систему языка, проективная лингвистика обнаруживает в ней лакуны и динамические точки роста – и вместе с тем заполняет эти лакуны, демонстрирует возможность новых лексических и грамматических конструкций, которые в более полной мере реализуют системный потенциал языка. ... Языку ничего нельзя ни запрещать, ни навязывать, но можно разрабатывать модели его обновления, которые впоследствии будут в той или иной степени приняты и использованы обществом, языковой средой» [6, с. 225 – 227]. Такие постулаты могут базироваться только на философии possibiliзма.

М. Н. Эпштейн справедливо акцентирует внимание на том, что в русском языке велик процент вызванной как лакунами, так и их неоднообразным, случайно-хаотичным заполнением асистемности: «Приходится констатировать, что самостоятельно работающей словопроизводящей системой русский язык еще не стал – слишком велико в нем давление нормы, которая «держит и не пускает». В русском языке сравнительно мало регулярных моделей словообразования и огромное число единичных случаев, «аномалий», исключений из правил». Автор обращает внимание на пользу детского словотворчества и выражает пожелание школьному обучению отказаться от практики пресечения этого творчества: «Школа должна заниматься развитием творческого потенциала у детей, а не умерщвлением, как происходит с первого класса, когда детям внушают, что правильно, а что неправильно, и забывают о другом критерии: что выразительно, а что невыразительно» [6, с.

241]. Разумеется, данные рассуждения тоже основываются на идеях POSSИБИЛИЗМА.

Философский POSSИБИЛИЗМ лежит в основе итогового, метафорического объяснения автором сущности проективного подхода: «Проективный подход к языку – это ни в коем случае не плановый и не директивный подход, заведомо знающий, каким должен быть язык совершенный, язык будущего, и диктующий, какие новообразования ему следует усвоить. Это не «единственно верный», а *веерный* подход – множественность ответвлений, расходящихся во все стороны от ствола языка. Прощупывание и «массаж» всех суставов языка, увеличение степеней подвижности, гибкости, сочетаемости всех морфем. Задача творческой филологии – растолкать, расшевелить язык, взять его «за живое», вывести из оцепенения «нормы» и способствовать саморазвитию его системы. Чем системнее язык, тем свободнее он в своих творческих воплощениях» [6, с. 244].

На связь с идеей POSSИБИЛИЗМА прямо указывает само название данной монографии, вторая часть которого – «Как гуманитарные науки могут изменять мир» – содержит коррелирующую с понятием возможности форму *могут* и представляет собой контекст, недвусмысленно свидетельствующий о том, что, по безусловно POSSИБИЛИСТИЧЕСКОМУ убеждению автора, гуманитарные науки могут изменять мир.

Философски знаменательным является тот факт, что в монографии 2016 года М. Н. Эпштейн совершенствует свою концепцию эмпирически убедительной конкретикой одной гносеологически важной и для эволюции человеческой когниции, и для эволюции естественного языка корреляции. Как известно, после появления дарвинизма в нем оставалась лакуна незнания механизма видовой эволюции, которая затем была заполнена благодаря возникновению и развитию генетики. М. Н. Эпштейн тоже обращает внимание на важность генетических сведений для его концепции вообще и проективного подхода в лингвистике в частности, но идет дальше: проводит достаточно смелую, но убедительную параллель между фактами, полученными генетикой и лингвистикой.

Автор говорит о таком сравнительно новом в генетике разделе, как «теория мобильных генов, способных перемещаться из одной части генома в другую и образовывать новые организмы, которые проходят через процесс естественного отбора. Изучение «прыгающих

генов» – как часто называют подвижные элементы в ДНК, открытые Барбарой Мак-Клинтон (Нобелевская премия 1983 г.), – сейчас стало обширной и интенсивно разрабатываемой областью молекулярной биологии. Гипотеза о подвижных, транспозирующих генах – «транспозонах» – нарушила существовавшую раньше в генетике догму о генах как о стабильных компонентах хромосом». М. Н. Эпштейн пишет, что «группе генетиков Института биологических исследований им. Салка (Сан-Диего, США) удалось частично разгадать загадку невероятного многообразия строения и функций головного мозга. Ключом к разгадке являются именно мобильные генетические элементы, транспозоны – фрагменты ДНК, способные перемещаться из одного места генома в другое, изменяя генетическую информацию отдельных нервных клеток. Возникновение определенного количества таких изменений и приводит к формированию индивидуальности головного мозга» [6, с. 250].

После представления данной информации автор переходит к упомянутой выше смелой, но убедительной параллели между генетическими и языковыми событиями. «Быть может, один из ключей к разгадке эволюции языка, – гипотетически пишет ученый, – мобильные, или «прыгающие», морфо-лексические элементы, способные перемещаться из одного фрагмента лексической системы в другой, случайным или целенаправленным образом изменяя структуру отдельных слов и словосочетаний. ... Можно показать, что и лексико-морфологическое многообразие языка достигается посредством прыгающих морфем, которые переходят из одной лексемы в другую, меняя ее семантическое ядро» [6, с. 250 – 251].

Если логично исходить из того, что языковые структуры запечатлены именно в человеческом мозге, предлагаемая М. Н. Эпштейном генетико-языковая аналогия выглядит вполне убедительной. Еще более убедительными выглядят приводимые ученым примеры. Образующие новые слова прыжки морфем происходят не произвольно-случайно, а в соответствии с грамматическими предрасположенностями морфем, например префикс не переместится на место суффикса и наоборот. Но состоящая из двух слов деривационно-приставочная парадигма *находчивый* и *доходчивый* может быть дополнена подобными, но с разной семантикой образованиями за счет прыжков других префиксов на статусно положенное им место: «Прыжок

приставочной морфемы «в» на место морфем «на» и «до» дает новое слово «входчивый», т. е. «способный повсюду входить, легко преодолевающий любые пороги и преграды». Прыжки на это же место таких приставочных морфем, как «с», «за» и «под», также приводят к рождению новых слов: «сходчивый», «заходчивый», «подходчивый» (умело находящий подходы к людям); «уходчивый» (тот, кто легко уходит от погони, преследования) и т. п. Слова с этими «трансморфами», т. е. вставками новых морфем (приставок) на подходящей для них позиции в прилагательных с корнем -ход- и суффиксом -чив-, можно уже найти на тысячах вебсайтов, что свидетельствует об эволюционных возможностях этой лингвомутации» [6, с. 251]. Автор обращает внимание на возможность «замещать один суффикс другим, например, суффикс «н» суффиксом «лив», по модели «запасной – запасливый», «расчетный – расчетливый», «ненавистный – ненавистливый», «запретный – запретливый». Суффикс «н» указывает на объект, подлежащий определенному действию («ненавистный» – то, что ненавидят), а «лив» – на субъект, склонный к этому действию («ненавистливый» – склонный ненавидеть)» [6, с. 252].

М. Н. Эпштейн говорит и об аспекте «спрыгивания» морфем со своих мест, чтобы обзавестись новыми соседями: «Корневая морфема «мет», общая часть таких родственных, но разнозначных слов, как «метать», «предмет», «отметка», «пулемёт», и др., может «спрыгивать» с этих обжитых мест и осваивать место корня в сочетаниях с иными приставками и суффиксами: *метливый* (склонный метаться, переметываться), *размёт* (мысли в размёте), *вразмёт*, *вразмётка* (спать вразмётку), *на мету* (в миг метания, застыл на мету, ср.: «на лету»), *числомёт* (программа выбрасывания случайных чисел), *любомётный* (взгляд), *цветомётный* и *травомётный* (участок, почва, земля, грядка), *снегомётный* и *градомётный* (туча) и пр.» [6, с. 252].

Судьбу слова, окказионально образовавшегося в результате прыжка морфемы, предсказать невозможно, например «авторские неологизмы А. Белого и В. Маяковского: «омолнить», «огромить», – остались в основном в границах их текстов. Слова «озвучить» и «оцифровать», хотя и недавнего происхождения, уже прочно вошли в язык, насчитывая миллионы или сотни тысяч случаев употребления в Интернете. А за сравнительно новыми словами «обуютить» и «осетить» числятся тысячи сетевых сайтов, что придает им

промежуточное положение «кандидатов» на место в лексической системе языка. Очевидно, однако, что мобильный потенциал приставочной морфемы «о» очень высок» [6, с. 252].

Очевидно, что показанные автором прыжки морфем происходят там, где у носителей языка есть в этом коммуникативно-гносеологическая потребность. Без признания этого положения можно полагать, что морфемы осуществляют прыжки как самостоятельно мыслящие субъекты, в то время как именно носители языка когнитивно каузируют такие прыжки.

Помимо этого, важно признать возможности уточнения и конкретизирующего расширения языковой теории прыжков, возможности выхода данной теории за рамки морфемности. В рассматриваемой монографии М. Н. Эпштейн показывает, какие изменения намечаются в русской грамматике, на примерах результатов «сотрудничества литературы и лингвистики», появления «глубинного дательного падежа» («шумящее Богу дитя», «трава шумела и зеленела тебе», «думает коту, лежащему на лавке»), «наречия-сказуемого в безличном предложении» («Мне слишком медленно в этой деревне», «Нам будет чуть печально, Но бодро и морозно») и других явлений [6, с. 253 – 291], но не показывает примеры развития переходности у являющихся или ставших непереходными глаголов, как делает это в соответствующей статье 2007 года [5], которую можно считать POSSIBILITIC по своей философской сути проектом-манифестом восстановления и развития переходности русских глаголов.

Здесь логично перейти именно к этим случаям. Во-первых, очевидно, что коммуникативно-гносеологически востребованными могут оказаться прыжки не только знаково верифицируемых, то есть эксплицитных, морфем, но и имплицитных смыслов, например в семантику глагола *гулять* все чаще прыгает сема 'перенесение глагольного действия прямо на объект-пациенс', в результате чего этот глагол становится коммуникативно-гносеологически востребованным переходным: *гулять девушку, поплавать ребенка, отдохнуть товарищей, скушать присутствующих, струсить одноклассника* (здесь и далее – примеры из статьи М. Н. Эпштейна [5]). Во-вторых, возможно спрыгивание не только корня, чтобы обзавестись новыми аффиксами, но и аффикса, чтобы тем самым актуализировать смысл, до этого не актуализированный по причине логического противоречия с семантикой «спрыгнувшего» аффикса.

Например, имеющий значение обращения действия на себя постфикс *-ся*, который во избежание логического противоречия не позволяет актуализироваться семе 'перенесение глагольного действия прямо на объект-пациент', в силу коммуникативно-гносеологической потребности в актуализации такой семы может спрыгивать с возвратных глаголов, например с таких, как *улыбнуться, общаться, споткнуться, раскаяться, сомневаться*, что позволяет образовавшимся таким образом не возвратным, а уже переходным формам *улыбнуть, общаться, споткнуть, раскаять, сомневать* реализовать указанную сему.

Следовательно, предложенная М. Н. Эпштейном, базирующаяся на философии POSSIBILISMA языковая «теория прыжков» может быть распространена на не показанные им в монографии языковые сферы, в том числе на интересующую нас переходность, и развита привлечением понятия коммуникативно-гносеологической потребности, которая может быть не у языка, а у его носителей.

В целом же можно говорить о том, что (1) проективная лингвистика является следствием философской концепции POSSIBILISMA, выступающей методологической базой такой лингвистики, и что (2) в рамках базирующейся на принципах POSSIBILISMA проективной лингвистики можно считать оправданным существование проекта восстановления и развития переходности русских глаголов.

Список литературы

1. Тульчинский Г. Л. Возможное как сущее / Г. Л. Тульчинский // Эпштейн М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетея, 2001. – (Тела мысли). – С. 7 – 21.
2. Эпштейн М. Н. Добро и зло в зеркале русского языка. "Континент", 132, 2007 / М. Н. Эпштейн // Континент. – 2007. – № 132. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/132/ep21.html>.
3. Эпштейн М. Н. ИмPLICITное в лексической системе языка и регулярность моделей словообразования / М. Н. Эпштейн. – Режим доступа: <http://www.emory.edu/INTELNET/implicosphere.htm>.
4. Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2006. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>.
5. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.
6. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. – (Серия Humanitas).
7. Эпштейн М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб.: Алетея, 2001. – 334 с. – (Тела мысли).